

Заехав к матери, чтобы достать из кладовой с антресолей банки, я наткнулся в дальнем углу на тяжёлую коробку, завёрнутую в холстину. Взяв банки, прихватил и этот свёрток, посмотреть, что в нём находится. Отдал его матери и спросил:

— Слушай, мам, что за клад спрятала ты в кладовке? Я что-то не видел раньше.

— А-а-а, этот? Он остался от бабы Дуси. Я, уж старая, и забыла про него. Много лет он лежит у нас. Я подальше его с глаз убрала, чтобы вы ненароком не сунулись в коробку. — Сказала мать.

— Какая баба Дуся?

— Ты должен её помнить. Маленькая такая старушка на первом этаже в угловой квартире жила. Помнишь? Ты ещё пацанёнком был, когда её муж умер. Они на фронте поженились, вместе всю войну прошли. Вернулись, сын родился, а вскоре дяди Феди не стало. Фронтовые раны дали знать о себе. Сердце не выдержало — рядом осколок сидел, врачи опасались его удалить. Он сдвинулся, и дядя Федя помер. Сильно горевала баба Дуся, как мы привыкли её называть. Но назад мужа не вернёшь, а сына надо было ставить на ноги. Женька-то был постарше тебя. Вот и пришлось ей не только трудиться на производстве, но и после работы ходила по подъездам, мыла полы. Подрабатывала, чтобы сыну отправить все деньги. Он в институте где-то учился...

— Все, вспомнил, — я перебил мать. — Это же она таскала постоянно вёдра с водой по подъездам? У неё была ещё привычка угощать малышню со двора конфетами. Точно?

— Да. Ребятишки её любили. Как увидят, что она вышла из подъезда, так сразу к ней бежали. Знали, что у бабы Дуси всегда есть карамельки в кармане. Тихая была, спокойная. — Сказала мать.

— А сын, Женька, здоровый такой парень. Он же в другом городе учился, так? — спросил я у матери.

— Да, уехал.... Как укатил в институт и больше ни разу не появился. А она горбатилась, чтобы там его содержать. После её смерти, я сколько раз писала ему, что мать оставила для него этот свёрток на память, а он так ни разу не отозвался, — с горечью в голосе проговорила она. — Ты же с Пашкой тогда помогал нашим мужикам со двора гроб на машину поднимать. Не забыл?

Я помнил бабу Дусю и её похороны...

Тихая и незаметная старушка с лицом, иссечённым морщинами. Постоянно в одной и той же юбчонке, латаной кофточке и линиялой косынке, а зимой в старой, побитой молью, шали.

Она неустанно, с утра и до вечера, мыла подъезды наших домов. Мороз или снег, дождь или жара, а баба

Дуся тащила в очередной подъезд тяжёлые вёдра с водой. Убирала мусор и отмывала бетонные полы от грязи. И сколько я вспомнил бабу Дусю — она оставалась в моей памяти маленькой, сухонькой старушкой, словно время не касалось её.

Умерла она в конце марта. Умерла так же тихо и незаметно, как и жила.

Мать, возвращаясь из магазина, зашла к ней, чтобы оставить молоко и хлеб, и увидела, что она лежит на диване, будто решила отдохнуть немного от этих проклятых тяжёлых вёдер. Мать тихо прошла на кухню. Оставила на столе покупки и хотела выйти, чтобы не потревожить бабу Дусю. И вдруг что-то почувствовала — подошла к дивану. Свернувшись калачиком, баба Дуся не дышала, а рядом с ней лежал старый, потёртый альбом с фотографиями, тетрадный лист и в пальцах была зажата ручка.

Её хоронили всем двором. Хоронили на собранные соседями деньги. До последней минуты ждали её сына. Хоть он и прислал телеграмму, что приехать не может, и просил соседей, чтобы похороны матери прошли без его участия.

Бабу Дусю хоронили в промозглый, холодный мартовский день. Сильный ветер гнал по небу низкие серые тучи, из которых сыпал то сырой снег, то мелкий, похожий на водяную пыль, дождь. Под ногами чавкало серое, грязное месиво из снега и воды. Дома стояли сырые и мрачные, по окнам которых, словно слёзы, стекал тонкими струйками снег вперемежку с дождём. Казалось, что проливалась слёзы даже природа, прощаясь с ней...

Женщины в чёрных платках, мужики с хмурыми лицами заходили в квартиру проститься с бабой Дусей и, выходя, вытирали украдкой покрасневшие глаза. За много лет я первый раз увидел её в новой, чистой одежде, купленной соседками.

Читали молитвы старушки в тёмных одеждах. Пахло ладаном, какими-то травами и ещё чем-то неуловимым и непонятным тогда для меня. Запахом тлена...

Меня поразило её лицо. Морщинистое, уставшее от постоянной работы, оно было чистым. Куда-то пропали, разгладились все морщины. Ушло с лица выражение постоянной заботы и казалось, что она отошла от всех этих мирских дел, хлопот и находится где-то там — далеко от всех нас...

На подъехавшую с открытым кузовом машину осторожно поставили небольшой гроб с лёгоньким телом бабы Дуси. Дождь, попадая на её желтовато-восковое личико, стекал по краю глаз тонкими полосками, будто баба Дуся плакала, прощаясь со всеми, уходя в свой последний путь.

Машина медленно поехала по двору и все соседи тихим шагом пошли за ней, неся в руках венки из искусственных цветов. И лишь на грязном снегу остались лежать живые ярко-красные гвоздики...

— Мам, а можно посмотреть, что в свёртке? — попросил у неё.

— Гляди...

Я осторожно развернул холстину и снял крышку со старой коробки. Потёртый альбом с пожелтевшими фотографиями и ещё один свёрточек. Открыл его, и застыл... Передо мной лежали потускневшие от времени два ордена Славы, орден Красной Звезды, несколько разных медалей, среди которых — «За Отвагу» и «За взятие Берлина». А рядом с ними — старенький открытый конверт и неровно оторванный тетрадный листочек, на котором было написано корявым почерком:

« Женева, сыночек! Я очень прошу тебя, выбери время, приезжай в родной дом. Чувствую, что недолго я проживу. Тебя поскорей бы дожидаться, взглянуть, каким ты стал да обнять в последний раз. Жаль, но оставить на память ничего, лишь альбом, где мы с отцом и ты, маленький, да наши награды. Больше у меня ничего нет, кроме медалей и орденов, что с тобой на войне получили, да наших снимков. Приезжай. Так хочется увидеть тебя в последний...»

Письмо оборвалось, оставшись недописанным....

